

Хомченко С.Н.

**«Находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки...».
Правонарушения, связанные с военнопленными армии Наполеона в 1812-1814 годах на
примере Поволжья и Приуралья**

// 1812 год: война и мир. Материалы всероссийской научной конференции. Смоленск. 2009.
С. 193-205.

[193] Во время пребывания в 1812-14 годах на территории российских губерний военнопленных Великой армии имели место связанные с ними преступления, то есть случаи нарушения закона, несшие за собой определенные санкции, и происшествия, то есть события, выходявшие за рамки общепринятых норм, но не несшие в себе признаков преступления. Вопрос об ответственности пленных за совершаемые ими деяния, был рассмотрен Главнокомандующим в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитиновым в циркулярном предписании от 6 мая 1813.¹ В нем разъяснялось, что провинности военнопленных должны разбираться на основании российского законодательства военными судами, а где их нельзя составить – гражданскими.² Некоторые из этих правонарушений, имевшие место в губерниях Поволжья и Приуралья, мы рассмотрим в нашей работе.

11 апреля 1813 в татарской деревне Аблязово Оренбургской губернии, в то время, когда большинство местных жителей находилось в мечети, трое из десяти находящихся в деревне военнопленных возле амбара татарина Каримова развели огонь, после чего, взяв головни, воткнули их в дрова его соседа Халилева. Заметив огонь, жена Халилева попыталась потушить его снегом, но пленные, не допуская ее к огню, жестоко избили. На шум прибежали находящиеся в деревне солдаты Геитбаев и Гибучеришитов, а так же двое местных жителей, которые так же хотели потушить огонь снегом, но вновь пленные им воспрепятствовали. Жители, выбежавшие из мечети на шум, с трудом смогли погасить разгоревшееся пламя. Находившиеся тут же пленные угрожали все равно сжечь все селение и убить жителей, называя себя давно уже лишенными голов.

В расположенной неподалеку крепости Пречистенской пленные так же чинили «разные хозяевам домов, где квартируют, обиды». Кроме того, многие из них, «ходя по улицам и сидя на повете курят трупки без всякой от огня осторожности, отчего неоднократно делали зажиг». Военного губернатора Волконского просили из Нижнего [194] земского суда перевести пленных в крепости на Уральскую линию, где контроль над ними со стороны казаков был бы более строгим.³

В мае 1814 в губернии произошло сразу два убийства, связанные с военнопленными. Сначала француз Герир лишил жизни новокрещенного чуваша Алексеева, а позже испанец Рохо убил своего земляка Лезано. Оба убийцы были преданы суду.⁴

10 августа того же года в Оренбург был приведен сардинец на французской службе унтер-офицер Куртезио. Находясь в плену в Вятке, он подрался с квартирующим вместе с ним солдатом местного внутреннего батальона Табанаковым и нанес ему ножевую рану в бок, причем оба были в это время пьяны. За это Куртезио был прогнан два раза через строй и отправлен навечно на крепостные работы в Оренбург. Здесь в инженерной команде он находился до февраля 1816, после чего по Высочайшему указу был помилован и выслан за границу.⁵

При отправлении пленных из губернии в октябре 1814 в деревне Кичуевской Бугульминского уезда произошло целое побоище между французскими солдатами и русскими крестьянами. Прибывшая сюда группа пленных встретила ранее находившихся здесь товарищей, и солдаты решили отметить свою встречу. Они запаслись большим количеством продовольствия и водки. Праздник начался с еды и выпивки и закончился радостным пением и выкриками. Как раз в этот день местные жители отмечали престольный праздник в деревенской церкви, собравшись в полуразрушенном сарае. Русские так же пили и пели во все горло. Некоторые из них, выйдя на минуту из помещения, посчитали очень плохим, что французы выбрали тот же день, чтобы петь свои, как им показалось, насмешливые песни, в чем русские

увидели пародию на свое поведение. Водка с той и с другой стороны воодушевила головы, и русские напали; они призвали тех, кто пел в сарае, и начали вместе прогонять французских солдат. Потом они стали бросать камни на скамьи, которые служили праздничным столом французам. Те ответили на эту непредвиденную атаку другими камнями, брошенными не менее точно. Сошлись ближе и, после неоднократных ударов с той и с другой стороны, русские бежали и были вынуждены даже оставить деревню. Беглецы спали бы под открытым небом, но сотник кантона и французские офицеры сумели примирить победителей и побежденных, восстановить мир и обеспечить русским возвращение по домам.⁶

3 августа 1813 в Черном Яре Астраханской губернии военнопленные офицеры, прогуливаясь по городу, отмечали день рождения Наполеона. Двое из них, лейтенанты голландец Бернар Сток и француз Жан-Антуан Гренье, сидели на берегу Волги. Проходящий мимо мещанин Тимофей Русаков бросил камень в их сторону и попал в голову Гренье, чем «причинил ему контузию». Обиженные офицеры бросились вдогонку за убегающим Русаковым, чтобы отвести его в полицию. У дома канцеляриста Михайлы Беднякова они нагнали [195] Русакова, порвав ему при этом рубаху, но тут на шум вышли сам Бедняков и его сослуживец Николай Журавлев, которые стали отбивать Русакова у преследователей. Русакову удалось скрыться, а между оставшимися продолжилась драка, причем в ход был пущен нож. В результате, у Беднякова оказалась резаная рана щеки, а у Стока – колотая рана ноги и изорванные панталоны. Затем противники явились к городничему Усовскому и подали жалобы друг на друга. Дело было отправлено в Черноморский земский суд. В ходе следствия так и не было выяснено, кому принадлежал нож, причем если пленные в своих показаниях были последовательны, то канцеляристы местами противоречили друг другу. Свидетели видели только погоню за Русаковым, а самой драки – нет, поэтому не могли внести ясность в этот запутанный вопрос. Сложность в ход судебного процесса вносило и незнание иностранцами русского языка, а в Черном Яру не было знатоков французского, поэтому с подследственных снимались письменные показания, отправлялись в Астрахань, а после получения перевода с французского суд продолжался. В итоге он было закончен лишь в мае следующего года. Вина Стока и Гренье, как зачинщиков драки, доказана не была, поэтому они были освобождены из-под суда. Было учтено и трехнедельное пребывание их под арестом, и то, что Сток также был ранен. Наказание их заключалось в испрашивании прощения перед судом у Беднякова и Русакова, что и было сделано через переводчиков, и об извещении о случившемся их начальства при освобождении. Получив решение суда, губернатор предписал черноморскому городничему включить Стока и Гренье в партию пленных, отправлявшихся домой.⁷

В начале июля 1814 дворянский заседатель астраханского земского суда Зимбилевский отправился в пригород Астрахани, селение Карантинное, откуда крестьянская жёнка подала жалобу, что поставленный к ней на квартиру французский солдат требует от нее сметаны, молока, яиц, цыплят и прочего продовольствия, угрожая побоями. Зимбилевский стал призывать этого рядового воздержаться от таких поступков, но тот объявил, что кроме своих офицеров никому не хочет повиноваться. Заседатель, видя нетрезвость солдата, приказал посадить его под арест, за что получил удар в щеку, а когда Зимбилевский приказал задержать непокорного, все военнопленные, около 80 человек, окружили его, а один, ударив в лицо и схватив за волосы, свалил на землю. От дальнейшей расправы чиновник едва освободился при помощи жителей селения. Зимбилевский подал жалобу коллежскому асессору Жеребцову, назначенному сопровождать пленных, но тот не принял никаких мер. Потерпевший пожаловался губернатору, который приказал земскому исправнику Смолянинову найти виновных, тем более, что в станице Дурновской одной женщине пленными уже были причинены побои, оставшиеся без наказания. Однако выяснилось, что партия уже покинула Карантинное. [196] Вдогонку им был отправлен чиновник Русинов, который вместе с Жеребцовым определил виновных. Ими оказались французские рядовые Сокар и Пфекорн, которые были арестованы и под караулом возвращены в Астрахань. Следствие над ними продолжалось до декабря, когда они были освобождены по Высочайшему манифесту о даровании прощения преступникам, не совершившим тяжелые преступления.⁸

Еще одно происшествие было связано с польским рядовым Григоровичем, который был изобличен полицией в продаже серебряных драгоценностей, украденных из дома казачьего пятидесятника Дадашева. На допросе обвиняемый показал, что нашел эти вещи на чердаке бани мещанина Титовцова, которую он ремонтировал по найму. Позже была найдена настоящая виновница кражи, которая и спрятала драгоценности. Причастность к краже Григоровича доказана не была, поэтому он был освобожден из-под суда и вновь включен в отправляемую домой партию.⁹

Военнопленные, прибывшие в августе 1813 в Арзамас Нижегородской губернии, причиняли немало проблем местным жителям, особенно хозяевам домов, в которых они остановились. Несмотря на выделяемые им деньги, некоторые пленные промышляли воровством, выкапывая в ночное время из обывательских огородов картофель, морковь и другие овощи. При приготовлении пищи нарушались правила обращения с огнем. После нескольких жалоб арзамасский городничий дважды делал нарушителям спокойствия замечания, однако это не подействовало.

23 августа к городничему пришел отставной солдат Семен Галанин, жалуясь, что трое квартирующих у него обер-офицеров в пьяном виде вломались в комнату его квартирантки Натальи Распопиной, «намереваясь сделать ей гнусный поступок». Когда Галанин встал на ее защиту, один из офицеров схватил его за горло и вытолкнул вон. Пьянство продолжилось с десятком офицеров, пришедших из других квартир. Приведя с собой квартального надзирателя и унтер-офицера инвалидной команды, городничий потребовал от квартирантов удалиться, но они отказались подчиниться, ругались «матерными французского диалекта словами» и даже ударили квартального надзирателя. О происшествии было доложено губернатору, и тот предписал отправить наиболее буйных офицеров в Семенов, а остальным объявить предписание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге о суждении военнопленных за преступления по российским законам. В случае повторных происшествий зачинщиков предписывалось брать под стражу и высылать в Нижний Новгород для предания военному суду. Вскоре из Арзамаса выехали подполковник Детон и 10 обер-офицеров, которые прибыли в Семенов 3 сентября. Среди них находился мемуарист, французский капитан А. Шерон, который иначе описал происшедший инцидент. По его словам, городничий [197] испытывал ненависть ко всем французам и воспользовался первым же поводом для демонстрации этого. После жалобы местного жителя (мемуарист не назвал ее причины) он явился на квартиру и якобы начал с несколькими сопровождающими оскорблять офицеров, двое из которых получили несколько ударов. Те же молча снесли обиду, опасаясь, что их убьют или отправят в Сибирь. Высылка из Арзамаса была воспринята с большим удовлетворением, как спасение. Однако отношение городничего к другим пленным и некоторые высказывания Шерона заставляют усомниться в объективности последнего. А пленный же польский врач С. Пешке, три месяца спустя проходивший через Арзамас, охарактеризовал местного городничего, как «человека доброго».

Но и на новом месте пленные офицеры становились участниками конфликтов. В Семенове у них не раз случались драки с представителями простонародья, которые оскорбляли французов. Шерон описал случай, когда один офицер, говоривший по-русски, был приглашен хозяином квартиры, в которой жил, на ужин. Они хорошо выпили, и спиртное настолько ударило им в голову, что хозяин поставил в вину гостю то, что тот – француз. Офицер ответил, в результате произошла драка.¹⁰

Согласно донесению Нижегородского губернатора Вязмитинову от 16 июля 1814, в партии, выступившей из Казани под руководством коллежского асессора Овсянникова и насчитывавшей 35 офицеров и 200 солдат, при следовании через Нижегородскую губернию происходили от нижних чинов беспорядки, своевольство и неповиновение начальнику партии. Причинами этого стало то, что от Овсянникова зависело только довольствие пленных пищей и порционными деньгами. Следить за порядком в партии Казанским губернатором был назначен подполковник Дардель, который со своими обязанностями не справился. Овсянников просил у Нижегородского губернатора гарнизонных солдат, но у того свободных людей не было, и он рекомендовал просить конвой во Владимирской губернии. 4 августа Вязмитинов сделал

Казанскому губернатору замечание и, хотя наличие конвоя не оговаривалось в распоряжении об освобождении военнопленных от 13 мая 1814, предписал впредь отправлять партии только с конвоем, о чем были извещены и другие губернаторы.

Следовавший в этой партии мемуарист, французский хирург Д. Фюзейе, также вспоминал о низкой дисциплине среди солдат и описал случай, чуть было не приведший к гибели пленных. Один сержант-артиллерист, заядлый курильщик, проходя по деревне, находившейся в стороне от дороги, вздумал зайти в дом, чтобы попросить огня. Хозяев дома не было. Он постучал в дверь, но дети, напуганные стуком, не осмелились её открыть. Разгневанный сержант ворвался в дом и ударил палкой по голове одного мальчика. Тот упал наземь. Сержант сбежал, вернулся в отряд, который уже встал на постой, и тоже был определен на жительство.

[198] Тем временем родители раненого ребенка, возвратившись домой, увидели, что их дитя едва живо. Братья мальчика рассказали, что его избили французы. Все жители деревни, узнав о случившемся и вооружившись палками, устремились к месту стоянки французов, прихватив с собой и ребенка, который не подавал признаков жизни. Местный священник приказал бить в набат, на который начали сбегаться жители соседних деревень. Люди были готовы на все. Положение становилось отчаянным, и Овсянников, пытавшийся успокоить толпу, вызвал к себе Фюзейе, единственного из французов, который мог говорить по-русски. Перепуганные солдаты уже готовились прятаться в соседнем лесу. Необходимо было срочно наказать виновного, но выявить его в тот же миг было невозможно.

Овсянников попросил хирурга перевязать больного. Вскоре ребёнку стало лучше, что успокоило его родителей. Теменная кость оказалась слегка вдавленной, но перелома не было. Когда Фюзейе сделал ему перевязку, крестьяне начали успокаиваться. Дардель дал отцу ребенка пять рублей. Овсянников сказал крестьянам, что с подполковником и хирургом займется поисками и наказанием виновного. Он всячески старался их утихомирить, а Фюзейе со своей стороны успокоил относительно состояния больного и пообещал, что специально задержится на день, чтобы оказать ему необходимую помощь. Набат затих, тревога улеглась. Но беспокойство не покидало пленных всю ночь и весь следующий день. С восходом солнца они покинули деревню, где чуть было не обрели свою могилу.¹¹

В уездном городе Курмыш Симбирской губернии в феврале 1814, на масленицу, произошли «разные беспокойства и буйства», зачинщиками которых стали военнопленные, разбежавшиеся при появлении полиции. В результате следствия виновные были высланы в Сибирь. В Ставрополе некто Ш., которого не принимали в порядочных домах, возненавидел французов за то, что их там принимают, и решил отомстить им за это предпочтение, воспользовавшись историей курмышского буйства. Он придумал следующее. Зазвав к себе городского голову, он напоил его до бесчувствия и, когда уже смерклось, послал проводить его до дому подкупленного им инвалидного солдата. Тот подвел своего подопечного к одному дому, в котором пленный француз как раз закрывал ставни. В это время инвалид вынул нож и слегка пырнул им в зад чиновника, закричав во всю горло: «Караул!» Сбежался народ. Инвалид указал на француза, который, будто бы, хотел заколоть городского голову. Его схватили и отвели в тюрьму. Началось следствие; ставропольский уездный суд приговорил высечь кнутом несчастного француза и сослать в Сибирь. К счастью, уголовная палата, не утвердила этого приговора. Пленный был совершенно оправдан и за проделку Ш. поплатился шестимесячным пребыванием взаперти.¹²

25 августа 1813 проживавший в Пензе французский лейтенант Пино, испытывая личную неприязнь к дезертиру, французскому [199] же лейтенанту Парису, спровоцировал ссору и вызвал Париса на дуэль. Местом дуэли был выбран лес недалеко от города. Парис запасся двумя саблями, которые он взял без позволения в домах у своих знакомых, поручика Конного полка Мартынова и частного пристава Кузьмина. Пино пришел с собственными пистолетами. Однако боя не состоялось, ему помешали местные жители, отнявшие у дуэлянтов сабли и не давшие пустить в ход пистолеты. Позже, уже после возвращения в город, Пино со своим секундантом все-таки устроил драку с Парисом недалеко от дома полицмейстера. Подоспевшие полицейские арестовали всех троих. На вопрос о пистолетах Пино ответил, что всегда держал их у себя, а порох и свинец для пуль купил у солдат, которые вели его в Пензу.¹³

Еще одним видом правонарушений, имеющим отношение к военнопленным, было мошенничество, носившее в основном безобидный характер. Оно было способом улучшить материальное положение солдат. Так, в Бугуруслане один французский солдат купил игральные карты и гадал всем желающим. Например, однажды он унес сушившееся белье и спрятал его в стоге сена. Когда же крестьянин пришел к нему за советом, «пророк» за соответствующую плату «предсказал», где найдется пропажа. В другой раз он попробовал себя в роли врача, когда к нему пришли по поводу больного. Француз сначала отказывался от лечения, но когда ему предложили крупное вознаграждение, не удержался и дал порошок из сушеных трав. На удивление, больной выздоровел, но в дальнейшем солдат не стал рисковать и занимался только картами. Надо отметить, что его услугами пользовались не только крестьяне, но и благородные дамы, желающие узнать новости о русской армии, которых они довольно долго не получали.

Другой предприимчивый француз поселился в доме бедного русского дворянина, ставшего его помощником в мошенничестве. Жертвы, которые приходили в дом, ждали «пророка» в одной комнате, а тем временем русский заводил с ними разговор. Словоохотливые крестьяне рассказывали о причинах, которые привели их сюда, а француз тем временем подслушивал в соседней комнате. Потом он выходил и удивлял крестьян, сообщая им, что знает причину, по которой они пришли. Понятно, что после этого крестьяне верили всему, что он им говорил, а оба плута делили полученную выручку.

В Нижегородской губернии один солдат, недовольный, что хозяин его плохо кормит, предсказал, что его корова умрет через три месяца, если он ее не убьет. Крестьянин зарезал корову, и этот солдат ел мясо каждый день. Однажды двое пленных встретили в лесу корову и привязали ее к дереву. Крестьянин, разыскивавший ее, встретил их и просил его погадать на картах о своей пропаже. Один пошел за коровой, другой предсказал крестьянину, что через четверть часа она будет обнаружена. Действительно, корова вернулась, и удивленный крестьянин дал солдату то, что он попросил.¹⁴

[200] Но и сами пленные становились жертвой мошенников. В сентябре 1813 в Саранске один баденский офицер получил от находившегося в Пензе штаб-офицера банкноту в 100 руб. и хотел разменять ее у местного купца на серебро. Солдат, которому было поручено это дело, был так неосторожен, что оставил банкноту в руках жены купца. Та сказала, чтобы он снова пришел завтра, так как мужа не было дома. Солдат пошел утром, чтобы забрать деньги, но купец возвратил банкноту, сказав, что она фальшивая. Офицер был поражен этим, так как уже давно ожидал означенную сумму серебром и не мог приобрести не только съестные припасы, но и одежду. Он известил об инциденте городничего, надеясь в его лице найти помощь. Тот спросил жалобщика, записал ли он номер банкноты. Офицер ответил отрицательно. На это городничий заявил, что совершенно убежден в том, что купец банкноту подменил, но так как отсутствовали доказательства, то официально вмешаться нельзя. Обманутый офицер должен был смириться с потерей своих денег.¹⁵

Два неприятных инцидента произошли с немецкими военнопленными. Вюртембергский мемуарист, обер-лейтенант К. Йелин отметил, что однажды вечером в центре Пензы на группу пленников напали несколько человек, избили и попытались ограбить. На крики прибежало еще несколько пленных офицеров, которые доставили пострадавших домой. После этого спасители отправились домой и сами. Один из них подвергся нападению хозяина дома, причем получил несколько серьезных сабельных ударов и по состоянию здоровья был на некоторое время оставлен в городе. Несмотря на обещания администрации наказать виновника, дело было спущено на тормозах. Об этой же ситуации, хотя и несколько иначе, писал другой вюртембергский обер-лейтенант – Ю. Зоден. Первую часть происшествия он опустил. Отношения же пострадавшего пленника с домохозяином, офицером ополчения, были, по словам Зодена, и до этого происшествия далеки от идеала: квартирант подвергался частым оскорблениям со стороны склонного к пьянству и агрессивного ополченца. Причиной последнего конфликта стала собака, так как хозяин был против того, чтобы квартирант держал ее в комнате. Однажды вечером в одну из офицерских квартир прибежал денщик с криком, что его хозяина убивают. Офицеры бросились на помощь и увидели своего товарища, лежащего на

земле, а русский тем временем с оскорблениями терзал его саблём. Позже на его теле насчитали семь ран. При виде офицеров, мучитель забежал в свою комнату и заперся там. Некоторые офицеры хотели вломиться в дом и отомстить за друга, но другие отговорили их от самосуда. Забрав потерпевшего и перевязав его с помощью пензенского немца-доктора Эглау, пленные обратились к губернатору, который обещал наказать виновника. Кроме того, Зоден упомянул, что Эглау взял раненого к себе на квартиру, чтобы за ним ухаживать.¹⁶

[201] В середине июня 1814, незадолго до полного освобождения военнопленных, в пензенском обществе стали распространяться слухи, что французский подполковник Пион угрожал по возвращении домой убить нового французского короля Людовика XVIII. Это было серьезное обвинение, и делу был дан официальный ход. Проводивший расследование полицмейстер Кривков быстро выявил источник этих слухов. Им оказался подполковник российской службы Радольф, француз по происхождению, присланный в 1812 под надзор полиции в Пензу за отказ воевать против соотечественников. Тот сообщил, что лично слышал эти угрозы от Пиона и в качестве свидетеля назвал учителя местной гимназии Галье. Однако Галье не подтвердил эту информацию. Сам Пион, подполковник гвардии и кавалер ордена Почетного легиона, клялся честью и так же отрицал все обвинения в свой адрес, объясняя донос желанием погубить его. Так как других свидетелей против Пиона не было, подозрения с него были сняты. Результаты расследования были отправлены в Санкт-Петербург Вязмитинову. Насколько основательны были подозрения в отношении Пиона, сказать сложно, но свидетельство известного мемуариста Ф.Ф. Вигеля, общавшегося с ним в Пензе, говорит не в пользу француза. Пион, по его словам, солдатом участвовал еще в Египетском походе, являлся страстным поклонником французского императора и был лично известен ему. Вигель писал, что преданность Пиона Бонапарту «доходила до изуверства».¹⁷

Случались нарушения закона и при переписке пленными. Корреспонденция для них подлежала обязательной проверке в Министерстве полиции, через которое следовала далее по назначению. В ноябре 1813 и январе 1814 в пензенской губернской почтовой конторе были перехвачены два письма для пленными, поступивших с обычной почтой. Первое - на имя пензенского портного Франца Егетмайера с передачей капитану Цеху, второе - на имя капитана Медовщикова с передачей капитану Боно. Оба письма с секретным донесением были переданы губернатору и до адресатов не дошли. А вот в аналогичной ситуации в Астраханской губернии письма были все же переданы по назначению - капитану Безетти, офицеру Клейперцу и сержанту Соболевскому.¹⁸

Родом самозванства с поправкой на плен был следующий вид преступлений. Чтобы улучшить денежное содержание, некоторые пленные «повышали» себя в звании. Особенно много таких случаев отмечено в Нижегородской губернии. Так, 15 ноября в Сергаче капитан Санк, лейтенант Шанпион и су-лейтенант Крун, из которых двое последних были пьяны, избili пленного Матьи, за что были арестованы и находились под стражей до начала января. Обиженный Матьи сам сознался, что он унтер-офицер, после чего был отправлен для военного суда к командующему Нижегородским гарнизонным батальоном подполковнику Баралю. Вскоре губернатор предписал знавшему французский [202] язык княгининскому городничему отправиться в Сергач и на месте разобраться, не откроются ли новые случаи обмана.

Аналогичная ситуация сложилась в Арзамасе. В донесении здешний городничий писал: «Находящийся здесь военнопленный Николай Клодель почасту находится в пьянстве, в коем чинит буйные поступки, от которых хоть и был удерживаем, но остался непреклонным. А притом в списке... показан в числе обер-офицеров и потому получал порционные деньги наравне с другими. Ныне же по донесению знающих его обер-офицеров оказалось, что он Клодель 13-го егерского полка капрал, о чем от обер-офицеров отобраны записки». Клодель так же был отправлен к подполковнику Баралю для предания суду за ложные показания, пьянство и буйство. В ноябре находившиеся в Арзамасе офицеры донесли городничему, что Морис Августин, записанный как императорский курьер и получавший обер-офицерское содержание, является императорским конюхом. Он «находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки с военнопленными офицерами». Он также был предан суду. Как видно, пленные офицеры изначально знали, что некоторые их товарищи по плену обманывают русские

власти, но сознательно скрывали это по каким-либо причинам. Очевидно, недостойное поведение обманщиков, в первую очередь в отношениях с настоящими офицерами, заставляло последних выдавать их властям.

Массовый факт обмана властей вскрылся при раздаче обер-офицерам по 100 рублей на закупку одежды. В Сергаче желание получить деньги высказали 73 офицера. Однако по донесению городничего восемнадцать из них оказались не офицерами, после чего выплата была остановлена. Губернатор в ответ приказал представить список и доказательства неофицерства обманщиков. К сожалению, сведения об окончании этой истории нами не обнаружены, неизвестным остался и источник информированности городничего. Возможно, что им стал пленный офицер.¹⁹

Самый именитый пленник, замешанный в возможном обманном повышении в звании – французский генерал Буайе (Бойе). Будучи штабным полковником, он временно носил генеральское звание во время службы на о. Сан-Доминго, но утверждён в нем не был. В ноябре 1812 Буайе был представлен командиром дивизии к званию бригадного генерала, но на р. Березине он попал в плен. Сведений о том, что Наполеон успел подписать это представление, не найдено. Однако Буайе, считая себя, возможно и справедливо, заслужившим вышестоящее звание, в плену называл себя бригадным генералом. Как бы то ни было, в русских документах Буайе числился генералом и именно в этом звании провел часть плена в Казани в 1813-14 гг.²⁰

Но самым известным военнопленным, особенно в литературе конца XIX - начала XX вв., стал француз Жан-Батист Савен. Популярность [203] он приобрел в первую очередь благодаря своему возрасту – по данным, освещенным в многочисленных публикациях указанного периода, он дожил до 126 лет. Попав в плен в 1812, он вскоре прибыл в Саратовскую губернию, где принял российское подданство и прожил до ноября 1894. В 1880-е годы его личностью начали интересоваться историки, в частности Н. Хованский, К. Военский и др., встречавшиеся с Савеном. По результатам бесед с ветераном и был объявлен год его рождения – 1768, а так же воинское звание и место службы – лейтенант французского 2-го гусарского полка. Лишь в последнее время после обнаружения ряда документов были установлены более достоверные данные. По ним Савен родился в 1787, а во время кампании 1812 служил унтер-офицером 24-го егерского полка. Трудно назвать причины недостоверной информации, данной Савеном, ведь его возраст к 1881, когда вышла первая о нем публикация, уже составлял 94 года и без того внушал уважение, а от выдуманного офицерского звания никаких выгод получить было нельзя. Возможно, приписав себе почти 20 лишних лет, старик хотел привлечь к себе внимание, чтобы получить государственную пенсию, ведь он жил в то время на иждивении дочери. Единожды солгав, дальше отказываться от своих слов он уже не мог, и на самом деле перешагнул вековой рубеж, дожив до 107 лет. Пенсии он так и не дождался, а вот разовые суммы в виде подарков получал, так как на самом деле привлек к себе внимание не только в Саратовской губернии, но в столице и за рубежом.²¹

По распоряжению Вязмитинова от 10 июня 1813 пленным было объявлено, что в случае побега одного пленника, все они будут нести за это ответственность. Чтобы снизить риск побегов, Вязмитинов распорядился брать с пленных офицеров расписки, что они не предпримут таких действий. В качестве наказания определялось отправление виновных под надзор в отдаленные сибирские города и крепости,²² хотя на практике примеры наказаний по принципу круговой поруки нами не найдены.

Несмотря на это, некоторые все же рисковали. Так, в сентябре 1813, по донесению Семеновского земского исправника, из квартиры неизвестно куда отлучился французский унтер-офицер Жан Алке, розыск которого велся в Нижнем Новгороде. В ноябре из партии, отправленной из Нижнего Новгорода в Казань под командой унтер-офицера Евсигнеева, на тракте не доходя до города Василя учинили побег французы Пьер Вибьон, Антуан Башин и Луи Гастин, о розыске которых дано было знать в окрестные губернии. Однако их поиски не увенчались успехом и с 31 января 1814 дело об их побеге было прекращено. В феврале 1814 из Семеновского уезда бежал еще один пленный, имя которого осталось неизвестным.²³

В Саратовской губернии известен побег двух итальянских рядовых, уже принявших подданство России и православную веру. Очевидно передумав [204] в последний момент, они летом 1814 тайно уехали в качестве слуг с офицерами, отправлявшимися домой за свой счет.²⁴

В июне 1813 в Астраханской губернии произошел побег поляков Августина Муравского и Стефана Ивановского. Здесь же, в Астраханском гарнизонном полку, содержался под судом поляк Иозеф Задорожский за побег из партии, отправленной из Чернигова на Кавказскую линию и пойманный на территории губернии. По Манифесту от 30 августа он был освобожден и должен был отправиться в отечество.²⁵

Совершенно неожиданный побег произошел в декабре 1814 в партии поляков, отправленных в отечество из Астрахани. Бежавшим был рядовой Францишек Розенберг, о котором за две недели до случившегося партионный начальник Шакулов уже сообщал в рапорте Астраханскому губернатору. Как выяснилось, с отправлявшимися домой поляками сбежала крепостная девка полковника Брыля, прихватив с собой 15 руб. и два женских платья. Очевидно, у Брыля были обоснованные подозрения о ее местонахождении, потому что вдогонку партии пленных им был отправлен нарочный, подпоручик Дмитриев. Беглянка с деньгами и вещами была найдена, а пленный Розенберг признался, что она явилась к нему сама, без его приглашения. Пропажка была возвращена владельцу 16 декабря, а 2 января недалеко от Царицына скрылся сам Розенберг, о чем Шакуловым было дано знать местным властям. Партионный начальник просил «при сыске его ... за караулом послать вслед за партией».²⁶ Очевидно, причиной побега стала увезенная девушка. К сожалению, о дальнейшей их судьбе сведений нами не обнаружено.

Как видно, намеренные или случайные нарушения закона, связанные с военнопленными армии Наполеона, не были редкостью, причем большинство из них носило бытовой характер. Поэтому пленные здесь выступали и как виновные, и как потерпевшие. Лишь изредка среди правонарушений можно найти случаи, когда причиной их стало именно военнопленное состояние их субъектов.

¹ Все даты даны по старому стилю.

² Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 320; Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812-1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2005. (Труды ГИМ. Вып. 147). С. 66.

³ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 588, об. 597.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 579. № 2757, 2761; Центральный Государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 18. Л. 144, 153.

⁵ ГААО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 855-864, 871-874.

⁶ Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. Paris, 1817. P. 199-201.

⁷ Государственный архив Астраханской области. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 165. Л. 13, 20, 25, 74-77, 158; Ф. 13. Оп. 1. Т. 17. Д. 26603. Л. 1-7; Т. 18. Д. 28186. Л. 1-7.

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 165. Л. 121, 124; Д. 179. Л. 1-6, 8; Ф. 13. Оп. 1. Т. 18. Д. 28365. Л. 1.

⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 714. Л. 1-15.

¹⁰ Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 121-122об, 127, 143-144об; Cheron A. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris, 2001. P.37, 39, 63; Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Mój pobyt w niewoli rosyjskiej w r. 1812. Warszawa, 1913. S. 33.

¹¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 425-426об, 434; Fuzellier D. Journal de captivite en Russie. 1813-1814. Boulogne, 1991. P. 199-200.

¹² ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 579. № 1130, 2788, 3541; Де-Пуле М. Отец и сын // Русский вестник. 1875. С. 512-514.

¹³ Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 489. Л. 10-12, 17.

¹⁴ Voyage d'un officier francais... P. 159-163, 197; Cheron. Op. cit. P. 64-65.

¹⁵ Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg. 1832. S. 118-120.

¹⁶ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 512. Л. 21; Merkwürdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland. Stuttgart, 1817. S. 151-152; Soden. Op. cit. S. 146-151.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 198. Л. 2-9об; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 489. Л. 1-8об, 19; Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 4. М. 1892. С. 113-114.

¹⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466. Л. 33-34, 55-56; ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 170. Л. 1-2; Д. 556. Л. 1.

¹⁹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 195-197, 293-294, 321-333, 337-338, 364, 368, 386.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 188. Л. 1-19; Бессонов В.А., Попов А.И. "Временный генерал" Жак Бойе // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 21-23.

²¹ Хованский Н.Ф. Лейтенант Великой армии // Саратовский листок. 30 сентября 1881; он же. Очерки по истории Саратова и Саратовской губернии. Саратов, 1884. Вып. 1; он же. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне. Саратов, 1912. С. 256-261; Устимович П.А. Современник французской революции 1789 г. жив в Саратове // Братская помощь. 1889. № 24, 25; Военский К.А. Последний из ветеранов «Великой армии» // Новое время. Приложение. 28 мая 1894; он же. Из воспоминаний о последнем офицере армии Наполеона I // Русская старина. 1896. № 4; он же. Последний из ветеранов великой армии // Священной памяти Двенадцатый год. СПб, 1912; Тотфалушин В.П. Новое о легендарном Савене // Эпоха 1812 г. Исследования. Источники. Историография. М. 2004. (Труды ГИМ. Вып. 137). С. 233-236.

²² НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 380; ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1513. Л. 9-10.

²³ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 222-223; Д. 232. Л. 54; Ф. 5. Оп. 42. Д. 237.

²⁴ Хованский. Участие Саратовской губернии... С. 242-243.

²⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1530. Л. 22; Оп. 4. Т. 1. Д. 1144. Л. 6.

²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1096. Л. 25, об, 53, об.